

В это время уши Ле-эра залились ярко-красным румянцем, а щёки тотчас же стали похожи на чистый рубин. Однако юноша, не сдаваясь, всё ещё смеялся и шумел, желая вновь выпить. Ле Чжунлю, взяв одной рукой преподнесённый бокал, вытянул вторую и, коснувшись залитой румянцем нежной щеки, похлопал по ней, после чего заботливо проговорил:

— Пить вино вредно для здоровья, такому красавцу нужно не только к другим относиться с любовью, но также и к себе. — Договорив, мужчина запрокинул голову, выпивая содержимое, а затем, поставив бокал на стол вверх дном, дал понять, что он и Ле-эр больше пить не будут.

Фэн Мин, дурачась, сказал:

— Ле-эр, прислушайся к словам министра, сегодня напьёшься допьяна, завтра наверняка будешь страдать от головной боли. Как ты тогда отправишься в путь?

Ле Чжунлю спросил:

— Куда именно собирается отправиться князь Мин?

— Конечно же в Силэй. — Фэн Мин приостановился и хлопнул по голове: — Ах, я совсем забыл предупредить министра, это наша вина. С сегодняшнего дня всё, что угодно, будет обсуждаться с Вами. — И юноша во всех подробностях рассказал Ле Чжунлю новости, которые сообщил Мянью Я, а потом проговорил: — Именно из-за того, что так произошло, мы хотим как можно скорее вернуться в Силэй, чтобы стабилизировать внутреннее положение страны, именно так будет правильно.

— Только что вернулась вторая группа разведчиков и сообщила, что после смерти Лун Тяня Жо Янь тотчас же отправился в Фаньцзя, очевидно, чтобы прибрать страну к рукам, — вмешался Мянью Я, докладывая недавно полученные вести.

Услышав политическое положение дел, толпа в гостиной прекратила разговаривать и смеяться, обратив внимание на полученные новости.

В главном зале стало ещё тише.

Ле Чжунлю покачал головой, говоря:

— Сейчас неподходящее время. Если Жо Янь спешно пересекает Юньинь, то вместе с ним наверняка ничтожное количество войск. А так как положение Ли и Фаньцзя больше напоминает огонь и воду, что же касается народа Фаньцзя, то Жо Янь для них, кажется, больше сравним со злым духом. Пусть даже Фаньцзя сейчас напоминает стаю драконов без главы[1], однако мало кто поможет Жо Яню разместить солдат, более того, если войско Ли будет не в состоянии подавить войну, то Жо Янь ни в коем случае не осмелится с важным видом вступить на территорию Фаньцзя.

— Господин министр прав, — проговорил Мянью Я. — Согласно данным разведки и проведенному временному анализу, Жо Янь после того, как неожиданно напал на наш лагерь и к тому же получил новость о смерти Лун Тяня, не вернулся в столицу Ли, а напрямик направился в Юньинь и сейчас достиг границ Ли и Фаньцзя. С другой стороны, многочисленная армия Ли быстро соберётся и отправится к границе Фаньцзя, а там, объединившись в большое и могущественное войско, встретится с Жо Янем.

Ле-эр по-прежнему был под хмелем, однако стоило упомянуть дела государственной важности, как юноша тотчас же достаточно протрезвел и, цокая языком, закачал головой:

— Народ Фаньцзя довольно несчастен. Стоило Лун Тяню, этому жестокому шакалу, умереть, как у границ неожиданно появляется Жо Янь, самый злобный волк, который смотрит хищно на Фаньцзя, как тигр на добычу.

— С появлением Жо Яня Фаньцзя, по-видимому, обречено, — сетовал командующий по имени Цянь Линь.

Однако Ле Чжунлю всё же спросил у Мянью Я:

— Ты сказал, что многочисленная армия Ли скоро соберётся и отправится к границам Фаньцзя. Но если Жо Яня нет в столице, кто тогда осмелится собрать армию, к тому же отправить её к границе Фаньцзя?

— Мы в настоящее время ещё не получили подтверждённой информации, это лишь предположения, а приказ может исходить и от принцессы Мяо Гуан.

Ле Чжунлю с улыбкой покачал головой:

— Принцесса Мяо Гуан хоть и умная, но всё же лишь дитя и ей непривычна война, также она не сильна в командовании армией и в военном деле не осмелится принимать поспешных решений. Если только... — Ле Чжунлю внезапно сделал паузу, после чего серьёзно проговорил: — Если только уже не получила указаний Жо Яня: как только Лун Тянь умрёт, нужно сразу же отправить войска в Фаньцзя. Если так оно и есть, то выходит, что в смерти Лун Тяня виноват Жо Янь?

Однако Фэн Мину, наоборот, в этом деле всё было понятно, и юноша тотчас же поспешил внести ясность:

— Нет счёта злодеяниям Жо Яня, только на этот раз не он виноват в смерти Лун Тяня, хотя, конечно, он наверняка очень хотел быть причастным к этому. Лун Тянь был смертельно отравлен моей матушкой — госпожой Яое. Что же касается способа отравления, я всё же не понимаю. Моя матушка отравила его, изначально желая помочь Жун Тяню, но в результате это пошло на руку Жо Яню. Увы, человек предполагает, а Небеса располагают.

Ле Чжунлю, следуя с ними короткий отрезок времени, смутно слышал о судьбе Фэн Мина, однако узнав, что самая жестокая и известная на весь мир госпожа Яое является его родной матерью, мужчина совершенно не принял это во внимание и, слегка кивнув, молча вздохнул.

Открыв рот, Жун Тянь спросил:

— Министр чувствует, что что-то не так?

Взгляды людей сосредоточились на молчаливом Ле Чжунлю. Все понимали, что Жун Тянь всегда выбирал слуг с особой тщательностью, а потому, если государь внезапно пожаловал Ле Чжунлю титул министра, значит, этот человек обладает изумительными талантами. Все невольно и сосредоточенно наостригли уши, ожидая, что же именно ответит мужчина императору Силэй.

Обычные слуги отступили и вышли за дверь, Цю Юэ, подойдя к деревянной преграде и тихонько закрыв её, спокойно села на колени рядом с Цю Син.

В главном зале стало совершенно тихо.

— Если не Жо Янь и принцесса Мяо Гуан смогут перекинуть армию к границам, то в таком случае кто это сделает? — разговаривал сам с собой Ле Чжунлю.

Мянь Я попытался ответить:

— Генерал армии Чжо Жань является приближённым слугой Жо Яня, в делах войны он также достаточно опытен. Может, это он?

Ле Чжунлю подумал и неожиданно отклонил подобное предположение, сказав:

— Чжо Жань довольно-таки опытный генерал, однако этот человек крайне осмотрительный и, наоборот, теряет решительность. Если бы он взял на себя инициативу, то многочисленная армия Ли не смогла бы своевременно прибыть к границам Фаньцзя и так удачно встретиться с Жо Янем.

Фэн Мин постарался немного пораскинуть мозгами, однако совершенно ничего не смог придумать и, начав чесать затылок, хмуро проговорил:

— Тогда кто же это, в конце концов? Этот человек не только завоевал доверие Жо Яня и может управлять многочисленным войском Ли, к тому же хорошо понимает намерения императора Ли, он даже очень способный.

В те годы, попав в руки к императору Ли, Фэн Мин целыми днями был возле него, и, как

полагается, всякий раз встречался с уважаемыми командирами, однако совершенно не догадывался о существовании такого человека...

Кончиком пальца Жун Тянь помассировал промежуток между бровями:

— Если нет никакого представления о нём, то и не важно, не стоит так сильно переживать из-за этого. Раз уж это враг, то рано или поздно мы с ним столкнёмся. Не волнуйтесь, посмотрим, кто этот незнакомец.

Мянь Я, испытывая крайнее волнение, сказал:

— Всё из-за того, что Ваш подчинённый бесполезен и многого не учёл. Ваш подчинённый может сейчас же отправить людей, чтобы всё разузнали по этому поводу.

Ле Чжунлю с лёгкой улыбкой посмотрел на него:

— Юэчжун находится в захолустье, и быстро разузнать все новости тебе будет не так-то легко.

Мужчина высказался крайне разумно и справедливо, тотчас же слегка возвышая собственный образ в сердце Мянь Я.

Жун Ху до этого с серьёзным выражением лица, не прерывая, слушал их разговор, однако сейчас приоткрыл рот, желая сказать:

— В конце концов, Ли от Фаньцзя находится очень далеко, к тому времени Мянь Я удастся без промедления получить необходимые нам новости. Сейчас крайне важно решить вопрос с Силэй. Что министр думает по поводу касаемого дела?

Этот вопрос действительно был хорошим, и тотчас же тема разговора вернулась к тому моменту, с которого начиналась.

Ведь сейчас это являлось самой жгучей проблемой.

Согласно расчёту Жун Тяня, завтра они должны были выдвигаться в путь.

Тун-эр слишком долго засиделся на престоле Силэй.

Ле Чжунлю уже с раннего утра обдумал, как ответить на этот вопрос, однако, так и не проронив ни слова, протянул руку к уже остывшим блюдам, что стояли на столике, передвигая их в сторону.

Цю Лань посмотрела на него, думая, что мужчина хочет убрать их со стола, чтобы сделать нечто другое, и спешно пришла на помощь. Собрав всю посуду со стола, девушка взяла другую хлопчатобумажную ткань и несколько раз вытерла поверхность.

Расчистив всё, Ле Чжунлю достал из рукава какую-то вещь и, собираясь разостлать её на столе, сказал:

— Подойдите все сюда.

Охваченные любопытством люди один за другим окружили мужчину.

Как оказалось, это была карта, сделанная из шёлка.

На ней совершенно чётко были изображены положения границ всех одиннадцати государств. Неизвестно, какой именно кистью Ле Чжунлю рисовал на ткани, так как линии были очень тонкими, словно нити, к тому же ещё и отчётливыми. Также там была помечена большая река Оман, её исток и два крупных притока.

— Это я сегодня, воспользовавшись свободной минуткой, нарисовал. Времени было немного, потому-то здесь всё не слишком подробно изображено. Я никогда не был в Даньлине, а поэтому изобразил лишь приблизительное местоположение морского пролива — Модунхай, а также не нарисовал островное государство Даньлинь.

Все проследили за пальцем мужчины, который указывал на блёклые штрихи, где чёрной тушью было написано «пролив Модунхай», однако не было видно расположения самого Даньлинь.

Только тогда Фэн Мин понял, почему, когда он отправился к Вэй Цюнян, её мужа, Ле Чжунлю, нигде не было видно, теперь как оказалось, этот новоиспечённый министр спрятался от людских глаз, чтобы поработать.

Палец Ле Чжунлю вновь переместился, показывая на Силэй, а сам мужчина проговорил:

— Силэй обращён на юго-запад к морю, остальные же части страны прилегают к соседним: Тун, Юньинь, Цжаобэй. Если говорить исключительно о территории, то во всех одиннадцати государствах лишь Ли может сравниться с ним.

Слова мужчины об основном географическом положении Силэй, не говоря уже о Жун Тяне, даже любому обычному генералу были понятны.

Осознавая, что только что затронутая Ле Чжунлю тема вскоре непременно может стать ещё более серьёзной и важной, все лишь молча слушали его.

Однако мужчина не сразу продолжил говорить, внезапно подняв голову, он окинул взором всех собравшихся и спросил:

— Вы понимаете, в чём наибольшее различие между Силэй и Ли?

Ле-эр ответил первым:

— Государь Силэй обладает нравственностью и талантом, а государь Ли — жестокостью, а если между правителями есть различие, то и государства, естественно, в некоторой степени будут отличаться.

Ле Чжунлю со смехом сказал:

— Государь Силэй скитается без пристанища по чужим землям, не имея своего императорского положения, так что говорить сейчас о каких-то нравственности и таланте едва ли уместно.

Ле-эр пристально посмотрел на него, собираясь возразить, но по его плечу похлопали. Обернувшись, юноша обнаружил, что этим некто оказался его старший брат — Жун Ху.

Сам же Жун Ху прошептал:

— Сейчас ни к чему устраивать спор, так как обсуждается крайне важное дело.

От такого аргумента Ле-эр замолк, не сказав ни слова.

Хоть Ле Чжунлю и согласился стать министром Силэй, однако все присутствующие заметили, что лишь доброе имя князя Мина удерживает его здесь, но не отношение к императору Силэй, которое, казалось, не так-то просто будет исправить, позволяя ему, Ле Чжунлю, стать таким же преданным Жун Тяню, как Ле-эр и Жун Ху, которые следовали за государем с детства.

Цзы Янь, тщательно изучив карту, попробовал спросить:

— Кроме соответствующей территории, плодоносных и истощённых земель, расположения горных лесов, водно-болотных угодий и равнин, то между ними есть разница. Если министр имеет в виду, довольно ли много в стране Ли равнин, то в моём Силэй побольше гор. А с точки зрения сельского хозяйства и урожая, то насколько Ли лучше в сравнение с Силэй?

Цянь Линь проговорил:

— Но с тех пор, как мы сделали в Силэй террасы по методу князя Мина, урожай значительно

увеличился, и в данном аспекте это уже не является столь серьёзной проблемой, как раньше.

Ле Чжунлю сказал:

— Верно, способ террасированных полей действительно эффективен, а государственное зернохранилище Силэй, я уверен, не пусто.

Он так сказал, разумеется, отрицая предположение Цзы Яня.

— Господин может хоть немного объяснить? — поинтересовался Жун Ху.

Ле Чжунлю крайне мало дал объяснений, лишь проронил одну фразу:

— Поглядите на карту.

Раскрыв пошире глаза, все уставились на топографическую карту одиннадцати государств. Они уже привыкли видеть подобные, хоть тонкие черты рисунка немного отличались, однако общий контур был почти одинаковым, по-видимому, их глаза и впрямь не могли разглядеть нечто новое.

Какое-то время все молча глядели вниз.

Ле Чжунлю, заметив, что никто ничего не говорит, посмотрел на Фэн Мина и сказал со смехом:

— Прошу, князь Мин, говорите.

— А? Опять я? — И юноша показал пальцем на свой же нос.

Увидев, что Ле Чжунлю кивнул, юноша тотчас же поморщился.

«О, Небеса... Опять разгадывать головоломки?» — Он уже сегодня преодолел одно опасное испытание и теперь испытывал к подобным играм неизжитый страх. — «Если ошибусь, неужели буду наказан?»

Юноша опустил голову и, рассматривая карту, нарисованную Ле Чжунлю, задумался на какое-то время, однако трудно себе представлял, как ответить, да так, чтобы камни раскололись и небеса содрогнулись[2]. Заметив, что Ле Чжунлю ждёт его ответа, Фэн Мин прекрасно понимал: нужно не ударить в грязь лицом, поэтому был вынужден с кислой миной проговорить:

— Я считаю... Хм, разница в том, что... Силэй находится у моря, а Ли мало того, что находится не у моря, так ещё и окружён другими странами-соседями.

Нельзя было винить его за то, что он всячески старался увернуться от всем известного здравого ответа, ведь если бы юноша знал всё, то уже давно бы сам стал министром.

Однако кто бы мог подумать, что, услышав ответ князя, Ле Чжунлю звонко хлопает в ладоши и, растягивая губы в довольной улыбке, скажет:

— Действительно, лишь князь Мин смог догадаться. Хе-хе, как уже было сказано, между Ли и Силэй есть большое различие, и вот оно.

На этот раз не только Фэн Мин выпучил глаза и открыл рот, но даже окружающая мужчину толпа изумилась.

Выходит, Ле Чжунлю долгое время занимался позёрством, а на самом деле ответ оказался таким здравым, к тому же всем известным?

После, отсмеявшись, мужчина вновь опустил голову и, глядя на карту, стал объяснять:

— С Силэй граничат лишь три государства, из которых только у страны Тун в настоящее время крайне напряжённые отношения с Силэй.

Все понимали, что сейчас мужчина наконец-то затронул ключевой момент, и, непрерывно кивая, следили за каждым его движением по карте.

— Касательно Тун, недавно возникло одно весьма восхитительное событие.

— Понял, министр наверняка говорит о недавно произошедшем убийстве императора страны Тун, — на этот раз стоящий рядом с Цзы Янем генерал Цянь Линь, опередив его, рассмеялся.

— После смерти Цин Дина в Тун подтвердили, что случившееся так встревожило страну, что в течение долгого времени она не будет представлять никакой угрозы для Силэй. Как минимум.

Для Силэй это, конечно же, являлось весьма восхитительным событием.

— Неплохо сказано, — Ле Чжунлю с восхищением посмотрел на мужчину. — Позвольте спросить, как имя этого генерала?

Цянь Линь сложил руки в знак почтения и сказал:

— Молодой генерал Цянь Линь, мы с министром как-то уже встречались.

— Цянь Линь... — Ле Чжунлю, повторив имя генерала, продолжил тему разговора: — По тому, что касается нынешней обстановки, то Силэй находится в безопасности и ему не нужно

беспокоиться.

— Хм, разумно. — Фэн Мин, кивнув, внезапно снова почесал затылок. — Однако, министр, если сразу задуматься о том, что соседние государства собираются напасть, то нам можно не волноваться о безопасности Силэй?

Сейчас их беспокоило только одно — лишь внутренняя политика Силэй, и всё.

И когда Жун Тянь вернёт то, что принадлежит ему, не более.

Этот вопрос явно волновал всех присутствующих, и толпа обратила взгляды на Ле Чжунлю в ожидании, что же тот ответит.

— Князь Мин хоть и задал хороший вопрос, однако простите, что разжигая любопытство, но пока не отвечу на него. — Ле Чжунлю слегка криво улыбнулся Фэн Мину, внезапно обнажая изумительную и величественную ямочку на щеке, его кончик пальца скользнул по мягкому и гладкому шёлку, останавливаясь на двух словах «страна Ли». — Давайте сначала обсудим положение Ли.

— Страна Ли находится далеко от моря, является страной-сушей и граничит с такими государствами, как: Юньинь, Боцзянь, Бэйци, Дунфань, Пяожун, Яньтин и Фаньцзя. — На этот раз настала очередь Жун Ху высказать мнение, и он, являясь старательным в учёбе, хорошо был знаком с положением стран, некогда описанными в свитках, настолько, что уже не мог забыть о них и на одном вздохе рассказал обо всём, даже не моргнув глазом.

Стоящая за спиной мужа Цю Лань, загибая пальцы, поцокала языком и посчитала:

— Хм, целых семь стран.

— Ха-ха, министр действительно потрясающий! — внезапно с восхищением произнёс молчаливый до этого момента Жун Тянь. Обнажая радостную улыбку, высокий мужчина сделал шаг вперёд, приближаясь и, указывая на нарисованную Ле Чжунлю карту, проговорил: — Хоть одиннадцать государств уже давно ведут войну, однако, пойдя на мир, вновь её начнут, и в лучшем случае страна, потерпевшая поражение, преподнесёт деньги или уступит территорию, чтобы положить конец, более того, такая страна никогда ещё не подвергалась полному поглощению другой, более крупной соседней державой. Если Жо Янь действительно захватит Фаньцзя, то остальные шесть государств, несомненно, отреагируют. И довольно бурно.

Глядя на палец, указывающий на карту, Фэн Мин уже имел представление о решении задачи[3], которое мог смело обсуждать. Фэн Мина, который был до крайности выдающимся и несравненно прекрасным, когда затронули его замечание, внезапно осенило, и он, невольно воспрыв духом, изо всех сил закивал:

— Верно! Разумно! Остальные шесть государств, вполне очевидно, беспокоятся, что Жо Янь захочет все страны, одну за одной, присвоить себе, поэтому, определённо, могут, захватив инициативу, объединиться против Ли, таким образом создавая Жо Яню головную боль. В те годы Цинь[4] поступило точно так же, и потому тотчас же образовался «союз по горизонтали»[5], кроме того, был заключён ещё один союз — союз северных и южных царств[6]... Тьфу ты... Ха-ха, никто же не понимает, что означает последняя фраза.

Жун Тянь проговорил:

— Таким образом, министр считает, что Жо Янь, заполучив Фаньцзя, несомненно укрепит свои силы и мощь, однако создаст затруднения, которые будут неисчерпаемы. Лишь справившись с Фаньцзя, трудно будет до конца искоренить прежнее влияние, тогда дрожащие от страха шесть стран, чтобы сохранить себя, станут объединяться и тотчас же могут истощить большую часть сил Ли.

— Верно! И крайне разумно, — кивнул Фэн Мин.

Жун Тянь шутливо говорил о Поднебесной, держась свободно и гордо, отчего смотреть на него было сплошным удовольствием.

— До этого времени Жо Янь, наоборот, будет не слишком силён, чтобы изнурять войско долгим походом через Юньинь в Силэй. И раз уж соседняя страна не представляет особой угрозы, а более достойный противник — страна Ли — сейчас изредка бросает жадные взгляды, можно сказать, что Силэй находится в безопасности, пусть даже и временной.

— Верно! Безупречно всё проанализировали, — несколько раз кивнул Фэн Мин.

— Поэтому министр категорически против, чтобы мы сейчас же отправлялись в Силэй.

— Верно! А? Что? — Фэн Мин чуть не прикусил язык и, выпучив глаза, посмотрел на Жун Тяня, а потом на Ле Чжунлю.

Если у Жо Яня действительно нет сил справиться с Силэй, разве для них это не удобный случай, которым нужно дорожить, и, не теряя времени, вернуться в Силэй, чтобы уладить возникшую проблему?

Неужели нужно ждать, пока Жо Янь не расправится с ними и силой не присвоит престол?

Внезапно раздался ещё один хвалебный выкрик.

На этот раз он исходил от Цянь Линя, на которого совсем недавно обратил внимание Ле Чжунлю.

— Если император не станет возвращаться в Силэй, то все страны Поднебесной обратят внимание на единственную цель — страну Ли. А если государь всё же решит отправиться в путь, то все страны Поднебесной, испугавшись, примут соответствующие меры: могут тайком объединиться, чтобы устроить тайный заговор, и, кроме страны Ли, под ударом окажется и наш Силэй. — И Цянь Линь посмотрел на Ле Чжунлю с благоговением. В глазах мужчины мелькнули горящие искорки, а сам генерал с восхищением проговорил: — Министр хочет, чтобы все страны проложили дорогу Силэй, уничтожив мощь страны Ли.

— Хм, это сказ о волке. Жо Янь является волком, а все — овцами, которые смотрят на него и, используя рога, дадут ему отпор. Наш государь, конечно, тоже волк, вот только Его Величество умнее и, заранее накинув на себя овечью шкуру, примкнёт к стаду овец, а потом, дождавшись другого волка, нанесёт смертельный удар, а затем выпрыгнет и съест всех уставших овец.

Ле-эр стал оживлённее, даже ничего не понимающие в военном положении Цю Юэ и Цю Син внезапно всё осознали и, захлопав в ладоши, со смехом проговорили:

— Интересно-интересно! Наш государь в сотню раз превосходит Жо Яня.

— Неверно. — Ле Чжунлю посмотрел на близняшек. — Не ваш государь в сотню раз превосходит Жо Яня, а ему очень повезло встретиться со мной, Ле Чжунлю. — Мужчина, увидев ямочки, подобные цветку, на щеках Цю Юэ и Цю Син, под влиянием дурной привычки бросил похотливо-завлекательный взгляд.

Только что проявившийся блестящий образ Ле Чжунлю был в одночасье разбит.

Хоть слова звучали самодовольно, однако это было не слишком, и без его напоминания в душе Жун Тяня, как и всех остальных, прежде всего волновало вернуть престол Силэй.

— То есть Жун Тяню пока не следует возвращаться в Силэй? — спросил Фэн Мин.

На самом деле ответ был ясен и без лишних вопросов, иначе Ле Чжунлю пришлось бы бесполезно объяснять, болтая много чуши.

Как только Фаньцзя будет официально уничтожено, то взаимное спокойствие, длящееся последние сто лет, может основательно разрушиться.

Противоречия между странами-союзниками могут накалиться: существовать или быть уничтоженным — этот вопрос станет нависать над головами главнокомандующих. До тех пор пока маленькие страны изо всех сил будут стремиться отыскать пути к спасению, то не побрезгуют ничем, даже объединением, лишь бы справиться с могучим императором и его государством.

Даже заяц может стремительно укусить[7].

Если Жун Тянь в это время вернётся в Силэй и вновь вступит на престол, то его влияние, умение, а также явное стремление объединить все страны могут заставить народ Поднебесной стать «кусающимся зайцем».

— Если государь завтра же отправится в Силэй, то я уверен, что с помощью умений и плана императора скрытые войска Его Величества будут переброшены, а люди Силэй, которые по-прежнему преданны государю, поддержат изнутри наступление армии, к тому же благодаря моей тактике, через пятнадцать дней мы сможем отвоевать столицу Силэй — Сицинь, позволив государю вновь вступить на престол Силэй. — Ле Чжунлю добавил: — Однако до этого момента оборонные укрепления Силэй могут из-за междоусобной войны и потери войск частично разрушиться. После чего государь сможет не только урегулировать внутренние беспорядки страны и успокоить шаткое положение министров, но и заодно, опираясь на урон многочисленной армии и оборонные укрепления города, справиться с тремя соседними государствами, которые так стремятся сохранить себя, и, приведя их к повиновению, объединиться и расширить пределы страны.

— В таком случае мы принесём несчастье, как и Жо Янь.

Ле-эр, тщательно обдумав, презрительно фыркнул:

— Пожалеть подлеца Жун Туна и позволить ему ещё несколько дней величественно восседать на престоле — вовсе не такое большое дело. Однако думал ли министр, что чем дольше этот тип занимает престол, тем прочнее его нравственные принципы, и в будущем нашему государю будет сложнее вернуть себе место императора?

Ле Чжунлю усмехнулся и спокойно проговорил:

— Без угрозы извне не избежать внутренних забот. Жун Тун захватил престол, и его главная забота — возвращение государя, а потому необходимо изо всех сил перетянуть на свою сторону влиятельных и знатных чиновников, чтобы они выказали поддержку. Однако если государь бесследно исчезнет[8], то он тогда расслабится и непременно первым делом — расправится со всеми влиятельными и знатными чиновниками, а после поможет утвердиться своим приближённым.

На что Цю Лань испуганно проговорила:

— А это не очень опасно? У него нейтральное положение, и, уничтожив прежних чиновников, он поставит своих людей, которые непременно окажут сопротивление нашему государю. В таком случае кто из по-прежнему преданных императору чиновников сможет прийти на помощь, если их ни одного не останется? Тогда сложно будет нанести мощный удар и вторгнуться в столицу.

— Верно-верно, даже слышать об этом очень страшно. — На лицах Цю Юэ и Цю Син появилось горестное выражение.

Эти близняшки думали одинаково, говорили со схожей интонацией и даже выражали чувства похоже, что действительно было очень мило и очаровательно.

Ле Чжунлю очень нравилось дразнить девушек, услышав их и обратив на них внимание, он сказал со смехом:

— Боятесь? Красавицы, подойдите ближе, позвольте мне коснуться ваших рук, и тогда я расскажу один способ, от которого ваш страх исчезнет.

В глубине глаз Жун Тяня отразились искорки, похожие на блики на воде, и дающие понять, что император Силэй уже обо всём догадался.

Хоть мужчина и догадался, однако не пожелал спешно делиться своими мыслями, лишь спокойно остался стоять в стороне, забавляясь с длинными чёрными локонами Фэн Мина, которые ниспадали на плечо.

Ле Чжунлю всего лишь заигрывал, ведь близняшки, когда их дразнили, становились крайне милыми и очаровательными, а потому с какой стати раскрывать все тайны?

— Нам, конечно же, не хочется. Вы уже стали министром Силэй, разве можете обижать маленьких служанок? — немедленно закричали Цю Юэ и Цю Син. — Занимая высокий чин, нужно быть крайне серьёзным, так что не замолкайте на полпути, скорее говорите. Говорите, что это за способ, от которого наш страх исчезнет?

Кто бы мог подумать, что Ле Чжунлю неожиданно станет очень послушным и, кашлянув и подбоченившись, примет серьёзный вид.

Однако он так и не проронил ни слова.

Толпа украдкой рассмеялась.

Новый министр своим естественным ребячеством слегка напомнил князя Мина. Не удивительно, что он так уважал последнего.

Увидев это, Цю Лань медленно подошла к Ле Чжунлю и мягко прошептала:

— Министр, Вы только что так интересно сказали, что мне тоже стало любопытно. Лучше я позволю Вам коснуться моих рук, только, прошу Вас, продолжайте говорить. Хорошо?

Характер Цю Лань был добрее, чем у близняшек, и хоть девушка недавно вышла замуж, однако её лицо стало ещё более нежным и очаровательным.

Ле Чжунлю, подвергшись её незаметному восхвалению и увидев перед собой мягкие очаровательные ручки, в глубине души был потрясён и к тому же крайне смущён. Хохотнув, мужчина проговорил:

— Если ты хочешь услышать, я, конечно же, могу всё подробно рассказать. — Однако так и не коснулся её нежных рук.

— Не справедливо, не справедливо! — вновь недовольно запротестовали близняшки.

Опустив руки, Цю Лань признательно улыбнулась Ле Чжунлю.

И вновь все вернулись к теме разговора, от которой немного отклонились.

Ле Чжунлю снова вернул непринуждённую и гордую осанку и, наклонившись, взял другой, стоящий в стороне кувшин и бокал. Наполнив его вином, мужчина неторопливо поднял бокал и сказал:

— Прежде всего давайте выпьем за находящегося на престоле Жун Туна.

Толпа, увидев этот жест, дружно отозвалась, и, один за другим, люди вновь наполнили вином бокалы.

И радостно выпили.

Только после этого Ле Чжунлю по порядку стал анализировать:

— Если бы на престоле Силэй оказался Жо Янь или опередивший его генерал Тун Цзяньмин, то дело было бы не таким уж занимательным. Однако если на престоле находится Жун Тун, то это дело крайне увлекательно. Прежде всего Жун Тун является молодым господином, и ему не хватает опыта правления страной. Он, опираясь на собственную неопытность в ведении государственных дел и уничтожая императорский двор, может вызвать неприязнь со стороны народа, который, боюсь, может поднять мятеж.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: массы без вождя, остаться без руководства.

[2] Обр. в знач.: потрясать, возмущать.

[3] В оригинале фраза звучит как «в душе (в уме) иметь готовый бамбук (прежде чем начать рисовать его)», обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[4] Одно из семи царств на территории Китая эпохи Чжаньго.

[5] Политика Запад-Восток (на коалицию царств Ци, Чу, Хань, Вэй, Янь и Чжао под эгидой Цинь в III в. до н. э.).

[6] Против царства Цинь в III в. до н. э.

[7] Загнанный в угол человек опасен; всякому терпению приходит конец.

[8] В оригинале фраза звучит как «заглушить звук и скрыть следы», обр. в знач.: бесследно исчезнуть, пропасть.

<http://bllate.org/book/13377/1190200>